

Александр СТОЛЯРОВ

От самой границы...

(Воспоминания)

(Боевые действия в Карелии
с 22 июня 1941-го по 22 июня 1942 года)
Никаких дневников во время войны я не вел,
никаких записей не делал, никакими документами сейчас
не располагаю, пишу – только по памяти...

В составе 71-й стрелковой

После финской войны, весной 1940 года, из расформированного 106-го особого горно-стрелкового (далее – ОГС. – *Прим. ред.*) корпуса (1-й корпус Финской народной армии) была образована 71-я особая стрелковая дивизия и дислоцирована в Карелии. В ее состав входили:

- 52-й стрелковый полк (командир – полковник В.М.Аланэ, комиссар – батальонный комиссар А.А.Окишев, начальник штаба – майор Г.В.Камель) расположился в Петрозаводске;
- 126-й стрелковый полк (командир – майор И.М.Петров, затем – майор В.И.Валли, комиссар – батальонный комиссар И.П.Горчаков) – в Медвежьегорске;
- 260-й стрелковый полк (командир – полковник В.Ф.Алексеев^{*}) – в Олонце.

Штаб дивизии, спецчасти и 230-й легкий артиллерийский полк разместились в Петрозаводске, а 237-й гаубичный артиллерийский полк – в пос.Вилга (под Петрозаводском. – *Прим. ред.*).

Командиром дивизии был назначен бывший командир 106-го ОГС корпуса генерал-майор А.А.Анттила, но в дивизии мало кто его видел. Ходили слухи, что он тяжело болен и находится на длительном лечении на Кавказе. Фактически дивизией командовал заместитель командира по строевой части полковник Ф.Е.Петров. Комиссаром был старший батальонный комиссар Ф.И.Егоров, начальником штаба – полковник З.Н.Алексеев^{**}.

* Погиб смертью храбрых в июле 1941 года при контратаке в районе Сортавалы.

** Позднее он командовал 3-й дивизией народного ополчения, а затем – 272-й стрелковой дивизией. Умер в 1971 году в Курске.

Начальником оперативного отделения – майор И.Т.Сиверс.

Несколько забегаю вперед, скажу прямо: мне повезло в отношении начальства, когда я попал в подчинение И.Т.Сиверса. Я получил большое удовольствие, работая с ним в первый период войны. Мало кто знал, что он, сын крестьянина, самостоятельно и в совершенстве изучил финский язык и во время советско-финляндской войны служил начальником разведывательного отдела 106-го ОГС корпуса. Это был человек с железными нервами, образованный, высоко эрудированный и всесторонне развитый штабист. Мы восхищались его культурой и работоспособностью. У него было чему поучиться. И мы учились – искусству штабной службы. Когда Сиверса назначили начальником штаба, мне выпала честь занять его прежнюю должность.

После того как дивизия была сформирована и приступила к занятиям по боевой подготовке, командование Ленинградского военного округа приказало произвести рекогносцировку государственной границы, после чего приступить к оборудованию ее в инженерном отношении. В состав рекогносцировочной группы входили полковник З.Н.Алексеев (ее руководитель), начальник дивизионной артиллерии подполковник В.И.Томмола, майор И.Т.Сиверс, начальник связи дивизии майор Чадов, начальник инженерной службы старший лейтенант П.П.Таузинен, начальник разведки капитан Борцов и автор этих строк. Также были созданы рекогносцировочные подгруппы в 52-м и 126-м полках, а 260-й полк к этой работе не привлекался, так как он предполагался для действий во втором эшелоне. В результате рекогносцировки на местности были определены места для дзотов, проволочных заграждений, завалов, минных полей и пунктов управления.

Летом 1940 года в район Куолисмаа (*севернее г. Сортавала. – Прим. ред.*) выдвинулся 126-й

стрелковый полк, который приступил к оборудованию своего участка обороны, а 52-й полк делал то же самое в районе Корписельки. К лету сорок первого на государственной границе, особенно в районе Куолисмаа, были оборудованы пункты управления, а также дзоты, противотанковые и противопехотные заграждения, построены дороги. Все это сыграло большую роль в первые дни боевых действий дивизии, которая заняла эти оборонительные сооружения заблаговременно. Только благодаря этому части дивизии оказались в благоприятных условиях, когда враг обрушился на 52-й и 367-й (передан из состава 168-й стрелковой дивизии вместо 260-го) полки. Противник в течение двух недель предпринимал лобовые атаки, которые успешно отбивались, и если бы не приказ командующего 7-й армии на отход, отданный 11 июля, наши части еще долгое время вели бы бои на границе. Но нам было ясно, что армия, не имея никаких резервов в глубине обороны, с целью сохранения живой силы и техники должна была оставить даже укрепленный район, что было оправдано сложившейся обстановкой...

Автор этих записок в апреле 1941 года, окончив Высшую военную школу штабной службы Красной Армии в Москве и получив новое назначение, прибыл в 71-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника оперативного отделения. Кроме меня, имелось еще два помощника – К.К.Воронцов и Василий Нечаев, погибший в сорок втором в боях под Сталинградом.

17 мая сорок первого дивизия выдвинулась для занятия заранее подготовленного рубежа обороны и прикрытия госграницы. Она развернулась на фронте 140 километров от Куолисмаа-Корписелька до Вяртсиля, штаб оказался в Соанлахти (северо-восточнее озера Янисъярви). В резерве дивизии в этом районе располагался только разведывательный батальон. Боевой порядок после передачи 260-го стрелкового полка в 168-ю дивизию оказался одноэшелонным. Из-за большой растянутости линии фронта между ротными опорными

Полковник А. М. Столяров

визию на должность помощника начальника оперативного отделения. Кроме меня, имелось еще два помощника – К.К.Воронцов и Василий Нечаев, погибший в сорок втором в боях под Сталинградом.

*

Впоследствии начальник штаба дивизии. Скончался в звании полковника в отставке в 1968 году в Ленинграде.

пунктами и батальными районами обороны, не говоря уже о промежутках между полками, получились большие промежутки, которые прикрывались только патрулированием и ведением разведки.

Выход дивизии на границу был совершен под видом учений. Да и в середине июня, то есть фактически за неделю до начала войны, командование 7-й армии задумало провести большие командно-штабные учения со средствами связи и обозначенным противником, с отводом дивизионных и полковых штабов в тыл, на расстояние 50-70 километров от границы.

К исходу 21 июня чувствовалось, что учения подходили к финалу, хотя по плану мы должны были их закончить после 22 июня. Однако по неизвестным тогда причинам разбор учений командармом был скомкан, хотя работу нашего штаба признали хорошей и в числе других и начальнику оперотдела объявили благодарность. Примерно к 22 часам был дан отбой, после чего приказано немедленно выехать всем штабом в расположение войск. Часам к двум ночи уже 22 июня я, как и другие, возвращался в Соанлахти. Разогрев и попив чаю, лег отдыхать, но сразу уснуть не смог и, чтобы как-то успокоить себя, стал обдумывать план рыбалки. Дело в том, что еще до начала учений, подготовив удочки и другие рыболовные снасти, я договорился с помощником начальника разведотдела дивизии Михаилом Фадеевым этот воскресный день провести на озере. Только стал засыпать, как сквозь сон слышу стук в окно и крик: «Вставайте, тревога!» Посмотрел на часы. Они показывали около четырех. В окно увидел своего связного, который вскоре исчез. Я быстро собрался, схватил пистолет «ТТ» и полевую сумку, побежал к штабу.

Домик, в котором я жил с семьей, находился не более чем в полукилометре от штаба. Но некоторые офицеры штаба жили еще ближе, и когда я прибежал, то они уже толпились около здания.

В это время дивизией командовал полковник В.Н.Федоров. Примерно в шесть часов утра он собрал нас в большом зале штаба и зачитал шифрограмму о том, что немцы после обстрела и бомбежки некоторых приграничных городов перешли государственную границу, и приказал каждому приступить к выполнению своих обязанностей по условиям военного времени. Мы открыли сейфы и вскрыли мобдокументы... А в двенадцать часов 26 июня в штаб дивизии прибыл командующий 7-й армии генерал-лейтенант Ф.Д.Гореленко и член Военного

совета армии, а потом и всего Карельского фронта Г.Н.Куприянов.

Они хотели выехать на границу в район Корпсельки, комдив приказал мне сопровождать их, и я оказался в машине командующего.

На месте нас встретил командир 52-го стрелкового полка полковник М.Я. Бирман. Командующий побывал почти во всех ротных опорных пунктах, беседовал с бойцами и командирами, интересовался поведением противника. К нашему всеобщему удивлению, командиры рот и взводов докладывали: «Никакого противника мы не видим и не слышим». И действительно, на границе стояла полнейшая тишина, хотя Финляндия объявила о состоянии войны с СССР 26 июня.

К исходу этого дня мы возвратились в штаб дивизии. Командарм с Куприяновым зашли к комдиву, я же, доложив начштаба о выполнении поставленной мне задачи, продолжил выполнять свои обязанности. А вечером нам сообщили, что наши семьи погружены в эшелон и отправлены в Ленинград. Мне тогда, конечно, и в голову не пришло, что встречу с женой Марией Михайловной и сыном Толей, которому не было и двух лет, лишь через четыре года. Мы только удивились, что этот эшелон был отправлен не через Петрозаводск, а через Сортавалу и Кексгольм (ныне Приозерск). Наверно, потому, что так было ближе. И едва эшелон с нашими семьями миновал Сортавалу, как противник в полосе соседней 168-й стрелковой дивизии вклинился в нашу оборону и перерезал железную дорогу.

В бой

С 3 июля противник стал активизировать свои действия и перед фронтом нашей дивизии: на госгранице происходили бои с разведкой и передовыми частями финнов, а 7 июля, развернув перед фронтом дивизии части 6-го армейского корпуса своей Карельской армии, финны перешли в наступление на нашем левом фланге. Их атака была отбита с большими для противника потерями, и все его попытки вплоть до 10 июля сбить наши части с границы успешно пресекались. Когда же в четыре часа утра 10 июля против 52-го и 367-го полков перешли в наступление все главные силы финского корпуса, бой с врагом разразился еще яростнее на всем фронте дивизии.

Вспоминаю особо ожесточенные схватки в

* Штаб 71-й стрелковой дивизии на учениях играл за штаб корпуса, а мне приходилось исполнять должность начальника оперативного отдела штаба корпуса.

** Старший лейтенант М.Фадеев погиб в первой половине июля при рекогносцировке командного пункта в Лоймоле.

районе Корписельки, проведенные 1-м батальоном 52-го полка. Личный состав батальона дрался героически. Оказавшись почти в полном окружении, он продолжал вести неравный бой и удерживал занимаемые позиции на границе. Командир этого батальона капитан П.К.Катая умело организовал управление подразделениями, сам он исключительно мужественно вел себя и, несмотря на полученное ранение, не оставил поле боя. Благодаря этому батальон в течение 10 и 11 июля отражал настойчивые атаки двух полков противника.

Финнам так и не удалось отбросить наши многочисленные войска с госграницы, и населенные пункты Корписелька, Вяртсиля и другие части нашей дивизии оставили 11 июля лишь по приказу командующего, а 126-й стрелковый полк, еще долгое время оставаясь на линии границы, продолжал прикрывать Поросозерское направление. В конце июля только против 52-го стрелкового полка дополнительно была брошена 163-я пехотная дивизия немцев, которой было нанесено большое поражение; при наступлении на Спасскую Губу – введена в бой свежая егерская бригада Лагуса, которая была полностью разгромлена...

Особенностью начального периода войны ввиду большой растянутости линии фронта являлось отсутствие у нас вторых эшелонов и резервов почти во всех подразделениях и частях. Война сделала свои поправки в военную теорию, и стало ясно, что надо было прикрывать только основные направления, а главные силы иметь в резерве – для парирования всяких случайностей. Командование вынуждено было создавать всевозможные группы и отряды, которые нередко являлись единственным средством оказания противодействия противнику, и очень часто руководить этими формированиями поручалось нам, офицерам оперативного отделения.

Так, к концу июля войска 7-й армии вели оборонительные бои западнее и севернее Суоярви. Между частями и соединениями образовывались большие промежутки, и противник, естественно, пытался использовать их для выхода во фланги и тылы наших войск. В конце июля располагавшемуся в Суоярви штабу 7-й армии из сообщений местных жителей стало известно, что в районе Вешкелицы и Лумбилы юго-западнее Сязозера прорник противник. Командование никакими резервами не располагало, однако прикрыть это направление надо было немедленно, так как оно позволяло большой группировке противника обойти левый фланг и выйти в глубокий тыл армии с захватом железной дороги, идущей от Суоярви на восток.

С целью прикрытия фланга распоряжением штаба

армии командиру 71-й дивизии было приказано образовать сводный отряд, но так как никаких резервов не имелось и в нашей дивизии, пришлось вывести из боя по одной роте из каждого полка. Отряд в составе трех стрелковых рот сформировали в течение одной ночи. Ему были приданы танковая рота (7 танков Т-26 и огнеметных) и батарея 76-мм пушек из состава дивизионной артиллерии. Впоследствии отряд поддерживался бронепоездом. Для оказания медицинской помощи отряду придали пункт медпомощи, для поддержания связи со штабом армии и дивизии передали радиостанцию 5-АК. Командиром сводного отряда был назначен начальник дивизионной артиллерии подполковник Т.М.Томмола, начальником штаба – автор этих строк, комиссаром – помначальника политотдела дивизии по комсомолу политрук Евгений Ботвин, начальником снабжения – капитан Чемоданов.

Согласно распоряжению штаба 71-й стрелковой дивизии отряд, посаженный на автотранспорт, вечером выдвинулся от линии фронта через Суоярви в район Вешкелицы. По достижении Суоярви начштаба отряда был вызван к начштаба армии генерал-майору А.Н.Крутикову за получением боевой задачи, отряд же продолжал следовать по указанному маршруту.

Задача, поставленная устно по карте, сводилась к следующему:

1. Противник большими силами сосредоточился в районе Корби-Сельги (*скорее всего Корписельки. – Прим. ред.*), высота 150,0 и западнее. Его передовые части форсировали р.Шуя и стремятся выйти во фланг и тыл 7-й армии.

2. Сводному отряду на автотранспорте немедленно выдвинуться в район Вешкелицы-Лумбилы, сбросить противника с северного берега р.Шуя, форсировать ее и разгромить противника на противоположном берегу.

3. Отряду, кроме артиллерийского и танкового соединения, в ходе боя подчинить отдельные разрозненные группы Петрозаводского истребительного батальона, который рассеян противником в лесу.

4. В оперативном отношении подчинить действующий в районе Вешкелицы отдельный горнострелковый батальон (командир – капитан Ермолаев)... (*автор не дописал фразы. – Прим. ред.*)

5. Бой отряда поддерживает бронепоезд, который маневрирует по железной дороге от Суоярви к востоку (командир – капитан М.В.Близнюк).

6. Связь осуществлять со штабами 71-й стрелковой дивизии и 7-й армии по радио.

Задача была ясная, но явно непосильная. Все три стрелковые роты – сборные, поэтому их командный состав не знал бойцов, а бойцы командиров. Из

средств связи – только радиостанции 5-АК. Отряд не имел средств передвижения кроме двух автомашин ГАЗ-АА – в медпункте и при службе тыла для подвоза боеприпасов и продовольствия. Совершенно отсутствовали саперные подразделения и разведки. Кроме того, личный состав был вооружен в основном только винтовками, не хватало автоматического оружия и минометов.

Все это и другие недостатки вызывали большие трудности в организации взаимодействия и управления боем. А самое главное – никто не знал численности, состава и группировки противника, а также его намерений.

С чего мы начали? Свели три роты в батальон, командиром которого назначили очень энергичного и храброго командира сводной роты 52-го полка старшего лейтенанта С.А.Тютрюмова (я его знал еще по совместной службе в этом полку до войны). Наскоро сформировали разведзвезд: к счастью, нашлось много добровольцев из остатков истребительного батальона. Связались с батальоном капитана Ермолаева, который уже вел бой с противником. Уточнили местонахождение бронепоезда. И только после этого командир отряда принял решение и поставил задачи всем подразделениям.

Мне вспоминается такой случай. Я и комиссар отряда вышли проверять занятие боевых порядков. Не доходя до передовых подразделений, встретили чей-то склад боеприпасов и ГСМ, который уже пять суток беспрерывно охранял часовой – боец Ефремов. Выяснилось, что он принадлежал к истребительному батальону. Этого храбреца я оставил у себя ординарцем, который прошел со мной по дорогам войны до 22 июня 1942 года.

К утру следующего дня, а было это примерно 25-26 июля, так и не имея подобных данных о противнике, но уже войдя в соприкосновение с ним, мы перешли в наступление. В результате напряженного боя, после наших неоднократных атак он был отброшен на противоположный берег. Наши попытки форсировать Шую успеха не имели, так как противник занял там заранее подготовленную линию обороны. Финны оставили на этом берегу много трупов своих солдат и офицеров, а также боевую технику, особенно ручные пулеметы, которые мы потом использовали. Конечно, и мы понесли немалые потери, но они были оправданы, так как первую часть задачи нам удалось выполнить.

Пока мы действовали в районе Вешкелицы, наша разведка выяснила, что противник перехватил железную дорогу севернее Улялеги, чем создал тяжелые условия для маневрирования бронепоезда, фактически блокировав его. В целом создалась уг-

роза выхода финнов на наш левый фланг. С целью ликвидации этой угрозы отряд предпринял несколько атак, но они оказались безуспешными: силы были неравные, да и противник успел оборудовать вдоль полотна железной дороги мощные огневые точки типа дзотов, а мы не располагали артиллерией, способной разрушать их. Попытки подавить их огнем танков и имеющихся пушек ничего не принесли. Потеряв 4 танка и неся большие потери в людях, мы прекратили атаки.

Через несколько дней подполковник Т.В.Томмола был отозван в дивизию, а на его место прибыл майор В.К.Урбанович, который также вскоре убыл обратно в штаб ввиду тяжелой обстановки, сложившейся на фронте нашей дивизии. После этого, в первых числах августа, на меня было возложено командование отрядом.

Во главе отряда

К тому времени противник на своем правом фланге временно перешел к обороне. Очевидно, он сосредоточивался для перехода в последующем в наступлении крупными силами в общем направлении на Улялегу – Лумбилу. Исходя из сложившейся обстановки, я решил:

1. Отказаться от наступательных действий, так как силами уже ослабленного отряда было необходимо прикрывать фронт протяжением до 25 километров.

2. На всем фронте перейти к обороне, не дав противнику возможности выхода во фланг и тыл армии. И особенно прикрыть направления – на Вешкелицу (силами горно-стрелкового батальона) и на Лумбилу (сводный батальон).

3. Вести активную разведку на всем фронте. Написал итоговое боевое донесение в штаб армии и командиру 71-й стрелковой дивизии, в котором изложил это решение. И поскольку я никаких корректив на него не получил, то это означало, что оно, по видимому, отвечало сложившейся обстановке.

Вскоре противник действительно начал активные действия, несколько раз переходя в наступление, но благодаря упорству и героизму личного состава отряда все его атаки отбивались с большими для него потерями. В их отражении большую роль сыграла артиллерия (впоследствии ее осталось мало, так как батарея дивизионных 76-мм пушек ушла вместе с подполковником Томмола), танки и особенно артиллерийско-пулеметный огонь бронепоезда.

От кого-то я узнал, что перешеек между Сямозером и Шотозером в нашем тылу, восточнее нас, подготовлен к обороне и уже занимается нашими

войсками. Это вселило в наши действия большую уверенность, так как отряд действовал в отрыве от своих войск, изолированно и самостоятельно, не имея никаких соседей ни слева, ни справа. В период затишья я незамедлительно решил связаться с перешейком. Этот весьма выгодный рубеж проходил фронтом на запад. Наш отряд оборонялся впереди этого рубежа фронтом на юго-запад, на удалении 12-20 километров.

Оказалось, что этот перешеек занимался батальоном 15-го полка НКВД. Командиром батальона был капитан Чижов, который, конечно, очень обрадовался моему появлению, так как и он тоже действовал изолированно. Правда, обладал тем преимуществом, что находился в тылу и не соприкасался с противником. Я ознакомил капитана с обстановкой на своем участке и ориентировал его о своем возможном маневре: если финны отбросят меня с занимаемого рубежа, отойду на этот. Капитана мое решение вполне устраивало.

Организовав, таким образом, взаимодействие с батальоном, оборонявшим перешеек, я уехал к себе в отряд. Вскоре мы заимели с этим батальоном телефонную связь, используя постоянные линии связи, идущие вдоль дороги от населенного пункта Шомба на Вешкелицу. Из Вешкелицы я поддерживал связь с пограничниками, а через них – с батальоном капитана Ермолаева. Со своими подразделениями и с бронепоездом связь осуществлялась только путем личного общения, посредством делегатов связи и пеших посыльных. Все эти обстоятельства обуславливали самостоятельные действия всех подразделений.

Во второй половине августа противник после сильной артподготовки перешел в наступление одновременно и на Вешкелицу, и на Лумбилу. Кодограммой по радиации я доложил в штаб дивизии, что атакован крупными силами, веду неравный бой, и это оказалась последняя наша кодограмма: начальник радиостанции сержант А.П.Васильев после того, как передал мое донесение, доложил, что питание на 5-АК окончилось. Я решил позвонить пограничникам в Вешкелицу: телефонная связь по постоянным линиям еще работала, но в телефоне я услышал не тот голос, к которому привык. Со мной кто-то говорил на ломаном русском языке, и я сразу понял, что к линии подключился противник. А раз так, то и батальон Ермолаева уже отходит или отошел, Вешкелица – в руках противника.

Это на моем правом фланге. Тогда я попытался связаться с Шомбой, где находился командир оборонявшего перешеек батальона, но и там была такая же картина. Значит, и слева противник перехва-

тил дорогу, идущую на Шомбу, по которой я проехал еще несколько дней назад. Оставался единственный выход на случай, если противник отбросит с занимаемого рубежа, – отходить с тяжелыми боями на север и северо-восток через заболоченный лесной район, который не имел никаких дорог. Но сейчас я не мог начать этот маневр, так как не имел приказа на отступление. Это тем более рискованно было делать, так как мы только что получили и довели до всего личного состава приказ Верховного Главнокомандующего №270 («Ни шагу назад»), который категорически запрещал оставление занимаемых позиций без приказа, а командиры, допустившие это и оставившие технику врагу, предавались суду военного трибунала.

В этих условиях наш отряд дрался фактически в полуокружении еще трое суток и только на четвертые, обессиленный, стал отходить на север, а затем – на юго-восток, к перешейку между Сямозером и Шотозером.

Отход был организован двумя группами. Одну возглавил комиссар отряда, который вывел в район южнее Эссойлы около 100 человек с оружием и боеприпасами, другую – автор этих строк. В моей группе находились основные силы отряда, более 150 человек, два танка Т-26 и две 76-мм полковые пушки. Отступать начали во второй половине дня и шли всю ночь в условиях бездорожья по лесисто-болотистой местности и в район севернее Шомбы добрались лишь утром следующего дня, примерно после двадцатых чисел августа.

На всем пути противник преследовал нас, поэтому приходилось прикрываться арьергардами. Батальон Ермолаева, как потом стало известно, с боями отошел на север, в направлении Вохтозера.

Откровенно говоря, когда я с остатками отряда вышел в район севернее Шомбы (с сохранившейся техникой и со всем личным составом – раненых несли на руках), все же думал, что же будет, ведь отошел без приказа! Но оказалось, что нашего прибытия уже ждали, о чем я узнал вскоре от представителя штаба армии майора Сиволапова, который к этому времени находился здесь. Он передал мне, что «трое суток тому назад ко мне с пешим связным был направлен приказ об отходе, чтобы усилить оборону батальона на перешейке». Но мы-то никакого приказа не получали! Майор заметил, что они здесь слышали звуки сильного боя в направлении действий нашего отряда, но считали, что его уже не существует. А мы прибыли, да еще с танками и артиллерией! **Это было весьма кстати, так как оборонявший перешеек батальон был вооружен одними винтовками.**

Уточнив боевой и численный состав отряда, я сделал доклад представителю армии. От него же получил приказ передать весь личный состав и материальную часть в подчинение командира батальона. Мне же и комиссару отряда предписывалось убить в распоряжение штаба 71-й стрелковой дивизии. Кроме того, перед нашим отъездом майор Сиволапов передал, что Военный совет 7-й армии доволен действиями нашего отряда, который полностью выполнил задачу, и сказал, что Военный совет представляет нас к награждению. Были представлены к наградам и многие бойцы отряда.

Мне и комиссару Жене Ботвину было очень жаль расставаться с личным составом отряда, но, распрощавшись, мы убыли в свою дивизию, которая вела тяжелые бои на Суоярвском направлении. Ее личный состав по приказу командования армии после 10 июля отошел на тыловой рубеж в 15-18 километрах на восток.

Бои за Петрозаводск

В этих боях отличился 52-й стрелковый полк, который был заслуженно награжден почетным знаменем Президиума Верховного Совета К-ФССР. В сентябре 1941 года я был назначен начальником штаба этого полка, а командовал им майор Г.В.Камель, комиссаром был старший политрук К.И.Сулимов.

Полк в составе 71-й стрелковой дивизии в конце сентября вел успешные оборонительные бои западнее Спасской Губы. К этому моменту тяжелая обстановка сложилась на ближних подступах к Петрозаводску и с каждым днем приближалась угроза его захвата финнами. Поэтому 23 сентября распоряжением Военного совета 7-й армии полк был снят с боевого участка и автотранспортом срочно переброшен в столицу республики, где поступил в непосредственное подчинение командующего армией, составляя его резерв. До нашего прибытия непосредственно в городе никаких частей не имелось, население было полностью эвакуировано, но город никем не оборонялся и никаких инженерных заграждений не проводилось. Видно, наше командование решило обеспечить оборону его на подступах. Однако, как выяснилось, в это время на Петрозаводск с тяжелыми боями отходили наши войска, располагавшиеся южнее и юго-западнее города.

Сразу после прибытия полка в город (опера-

тивная группа армии еще находилась здесь) я был вызван в оперативный отдел, где получил боевую задачу занять немедленную оборону на ближайших подступах к Петрозаводску: на севере – со стороны пос.Вилга, на юго-западе – у озера Лососинное. Кроме того, полк должен был прикрывать отход наших частей и не допустить захвата города противником с ходу.

В соответствии с этим командиром полка было принято решение: 1-му батальону занять оборону к западу от озера Лососинное, 2-му батальону выйти в район Сулажгоры и занять оборону в районе пос.Вилга, 3-й батальон расположить на северной окраине города, имея его в резерве. Штаб полка развернулся на территории Петрозаводского педтехникума.

К утру 25 сентября батальоны вышли в указанные районы, войдя в непосредственное соприкосновение с противником. Вечером 27 сентября командир, комиссар и я были вызваны в район Сулажгоры, где мы предстали перед командованием вновь формируемой 37-й стрелковой дивизии. Там мы узнали, что наш полк входит в подчинение этой дивизии (командир – подполковник Державин, комиссар – батальонный комиссар Качуровский, начальник штаба – майор Попов). В ее состав должны были также войти отходящие на запад отдельные 24-й (командир – М.С.Макаров) и 15-й (капитан Антонов) мотострелковые полки, но их местонахождение было неизвестно. К этому времени обстановка начала накаляться. Город обстреливался вражеской артиллерией и подвергался бомбежкам с воздуха.

Следует отметить, что 52-й стрелковый полк, находясь в непрерывных боях с первого дня войны, к моменту сосредоточения в Петрозаводске сохранил высокую боеспособность. Если в предыдущих схватках на госгранице, в районе Толвоярви, у Спасской Губы его личный состав наносил серьезные поражения противнику, то и в обороне Петрозаводска, не уронив чести, он сыграл определенную роль.

Полк, кроме трех батальонов, к тому моменту имел артбатарею из четырех 76-мм пушек, зенитно-пулеметный взвод (четыре счетверенные зенитно-пулеметные установки на автомашинах), конный, саперный и химический взводы, а также крепкий тыл, который возглавлялся весьма опытным офицером тыловой службы майором Макаровым.

В то же время вновь формируемая 37-я стрелковая дивизия на первых порах никаких спецчастей и тылов не имела, штаб ее не был полностью укомп-

* Майор Камель сменил убившего из 71-й дивизии полковника Бирмана. Старший политрук Сулимов заменил погибшего комиссара полка Окишева.

** Отходили группа генерала Абакумова, 272-я и 313-я стрелковые дивизии и другие войска 7-й армии.

лектован и решающего влияния на ход боевых действий не оказал, поэтому 52-й стрелковый полк вынужденно оказывал ему некоторую помощь. Так, по приказу командира дивизии нам пришлось откомандировать в распоряжение штаба дивизии отделение конников с лошадьми и упряжью, одну автомашину с зенитно-пулеметной установкой, взвод саперов, отделение химиков и одну стрелковую роту для оборудования, а также охраны и обороны командного пункта. Кроме того, в распоряжение дивизионного штаба были переданы все наши шесть танков. Это, конечно, не могло не сказаться на боеспособности полка в тот период, но иного выхода не было. Да еще гибель комиссара и ранение командира полка, несомненно, усложнили обстановку, но не подорвали уверенности бойцов и командиров в победе над врагом.

С полным сознанием своего воинского долга полк продолжал выполнять поставленные задачи. О том, как воевал его личный состав в этот период, пишет в своих воспоминаниях «Незабываемое» (нет указания, где искать эти воспоминания. – *Прим. ред.*) командир 8-й стрелковой роты Н.Т.Омелин, который был ранен в ходе этих боев. К сожалению, после эвакуации и выздоровления он не смог вернуться в полк и не стал очевидцем ратных дел однополчан в последующих боях. В самый критический момент, 28 сентября, с рубежа Сулажгоры был введен в контратаку против превосходящих сил противника 3-й стрелковый батальон – в направлении на Вилгу, то есть туда, где действовал 2-й батальон. При входе в бой второго эшелона командир, комиссар полка и я оказались в этом районе. Мне помнится, что обстановка в тот период была очень сложной: финны стремились, несмотря на большие потери, во что бы то ни стало прорваться в город с севера. Боеприпасы были на исходе, и воины 2-го и 3-го батальонов несколько раз переходили в рукопашные схватки, забрасывали противника ручными гранатами. В боевых цепях находились все командиры, вплоть до командира и комиссара полка. В результате этого боя майор Камель был тяжело ранен и эвакуирован в тыл, а комиссар старший политрук Сулимов в ходе контратаки пал смертью храбрых.

Он похоронен в Сулажгоре. Но законы войны таковы, что в бою кто-то остается в живых. Таким счастливым оказался и я. После эвакуации майора Камеля я вступил в командование полком, а его комиссаром стал секретарь партийного бюро полка политрук Пивоев.

К исходу 29 сентября обстановка обострилась

еще тем, что противник численностью до батальона, с минометами, обошел наш правый фланг с севера и вышел на дорогу южнее станции Шуйская. Этим самым путь отхода на север для нас был отрезан. Все наши попытки отбросить врага с занятого рубежа успеха не имели, так как сил для того у нас было недостаточно. В то же время противник наращивал свои удары с направления Вилга. 1-й батальон совместно с другими частями вел тяжелые бои в районе стрельбища и Лесного техникума (по свидетельству краеведа. – *Прим. ред.*). В течение суток 30 сентября напряженные бои шли уже в самом городе и в районе Сулажгоры. От Сулажгоры противнику продвинуться к Петрозаводску так и не удалось, так как на этом рубеже 52-й стрелковый полк стойко отражал все его атаки.

В 6 часов утра 2 октября мною был получен приказ командира 37-й стрелковой дивизии на отход полка через переправу в Соломенном. Кстати, дивизионный командный пункт все время боев находился на восточных скатах Сулажгоры, а поблизости от него – и командный пункт нашего полка. Отдав по радио распоряжение об отходе всем батальонам, сам решил поехать к переправе. Прибыв туда, я увидел то, чего, откровенно говоря, не ожидал увидеть: уже с ночи на тот берег переправляются войска группы генерала Абакумова и другие части. Они, очевидно, отходили с южного направления. В это время здесь действовал единственный паром, причем очень малой грузоподъемности, и оборудованный наплавной пешеходный мостик. Мне стало ясно, что 52-й стрелковый полк на эти средства переправы не мог рассчитывать, так как здесь уже находилась уйма войск, транспорта и обозов. Причем генерал Абакумов, находясь на переправе, пропустил только свои части.

Тогда мною было принято решение сделать плоты и на них переправить артиллерию и зенитно-пулеметные установки на автомашинах, а пехоту – вплавь на подручных средствах и, по мере возможности, использовать пешеходный мостик.

К этому времени батальонам удалось оторваться от противника, который все же преследовал их до соломенской переправы. Мы с комиссаром переправились последними. На восточном берегу я встретил майора Попова, который поставил нам задачу обходным путем выйти на северный берег реки Шуя и занять оборону на станции Шуйская. Правда, к этому времени вышестоящее командование уже распорядилось прикрыть отходящие войска. Им были приняты необходимые

* Полковые тылы были перебазированы на северный берег реки Шуя еще до 29 сентября, то есть до выхода финнов в район южнее станции Шуйская.

меры по обороне северного берега реки Шуя силами, главным образом, тыловых частей.

...Так окончились бои за Петрозаводск. Впереди предстояли – за Кондопогу, Кумсу-2, Медвежьегорск, Пиндуши, Повенец и, наконец, на Беломорско-Балтийском канале.

Бои на северном направлении

С выходом наших войск на подступы к Кондопоге я был назначен начальником оперативного отделения штаба 37-й стрелковой дивизии. Только к этому времени нам удалось установить связь с отходящими 15-м и 24-м мотострелковыми полками НКВД.

После кратковременных боев в районе Кондопоги 52-й полк опять на автотранспорте был переброшен западнее Медвежьегорска, в район Мяндусельги, куда с тяжелыми боями отходил из Юостозера 126-й стрелковый полк 71-й стрелковой дивизии. Штаб 37-й развернулся в Кумсе-2. На этом рубеже разыгрались ожесточенные бои. Было ясно, что теперь противник, сосредоточив здесь основные силы, решил с запада выйти в район Медвежьегорска.

В такой обстановке 52-й полк и на этот раз получил почетную, но вместе с тем и ответственную задачу: с ходу вступить в бой и на какое-то время преградить финнам путь на Медвежьегорск. События показали, что после переброски и развертывания полка западнее и юго-западнее лесопункта Кумса-2 удалось замедлить темпы продвижения противника. 52-й и 126-й полки нанесли врагу чувствительные удары, в результате чего финнам, ведшим наступление днем и ночью, несмотря на потери, удалось захватить Медвежьегорск только 5 декабря, то есть лишь через месяц. Вспоминается одна из ноябрьских ночей, когда противник, сделав брешь в расположении наших войск значительными силами, ворвался в Кумсу-2, где, повторюсь, находился штаб 37-й дивизии. Но благодаря повышенной бдительности и принятым мерам, силам роты охраны, батальона связи и офицеров штаба удалось отбросить наступавших из населенного пункта. Однако к утру 28 ноября финны, подтянув свежие силы, возобновили настойчивые атаки, вследствие чего нам пришлось оставить Кумсу-2. Штаб дивизии был развернут в лесу, двумя километрами восточнее, и стал готовить удар, с тем чтобы выбить врага из населенного пункта.

Все наши попытки силами 52-го и 126-го полков вновь овладеть Кумсой-2 с утра успеха не имели. В этом бою на моих глазах погиб командир 52-го стрелкового полка старший лейтенант Г.М.Туруев. Его заменил лейтенант Костя Кулаков.

После оставления Кумсы-2 меня удивило то, что командование дивизии и руководство штаба переместились далеко в тыл, в район деревни Медвежья Гора – километрах в 15-20 восточнее расположения наших войск. Я сейчас не помню, было ли это вызвано сложившейся обстановкой или еще чем, но хорошо помню, что комдив приказал мне остаться в лесу восточнее Кумсы-2 (фактически это было расположение 52-го полка) и возглавить оперативную группу штаба дивизии по руководству боем за Кумсу-2.

В этом же бою был тяжело ранен командир батареи 76-мм полковых пушек (забыл фамилию лейтенанта). У него было тяжелое сквозное пулевое ранение в рот, с выходом пули через шею. Его ранило во время подачи команды, когда батарея вела огонь прямой наводкой по атакующему противнику. Таким образом, обстановка на подступах к Медвежьегорску была тяжелой: против малочисленных наших войск, действовавших западнее этого города, противник все время наращивал удары, вводя в бой свежие силы, и только отвага, самоотверженность и массовый героизм личного состава 52-го и 126-го полков в схватках за каждую пядь родной земли задерживали быстрое продвижение врага. А ведь тогда на Медвежьегорск наступал целый 2-й армейский корпус финнов.

Наши войска ощущали большую нужду в технических средствах борьбы, особенно в противотанковых и в средствах заграждения, ведь кроме артиллерии, уже понесшей большие потери, они ничем больше не поддерживались. Об авиации тогда мы и не думали. Ее просто не было видно.

По мере отхода к Медвежьегорску нам стало известно, что противник может применить танки. В связи с этим мне вспоминается случай: при отходе из какого-то района, еще западнее Медвежьегорска, я, передвигаясь с группой командиров штаба и бойцов, обнаружил раскиданные на дороге и по обе стороны от нее незамашированные противотанковые мины. Поскольку дело было утром, мы, сосчитав мины, которых оказалось не более полусотни, обошли этот участок. Позднее, когда я встретил начальника инженерной службы Медвежьегорской группы войск

* К. Кулаков сейчас – полковник в отставке, проживает в г. Всеволожске.

майора Маркевича и спросил его, где и какие заграждения поставлены, он ответил, что заминирована только дорога в одном месте, где установлено 49 противотанковых мин. Речь шла о том месте, которое мы обошли. «А как же дальше?» – спросил я. Он ответил: «Дальше не знаю, мы больше ничем не располагаем». Но, на наше счастье, противник не применил здесь танки, а ввел их только после взятия Пиндуш, то есть при прорыве на Повенец.

К утру 6 декабря командный пункт 37-й стрелковой дивизии находился в двух километрах восточнее Пиндуш. Отчетливо был слышен бой: с обеих сторон велся ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Я как-то, выйдя из землянки, стал прислушиваться к артиллерийским выстрелам противника, звучание которых было необычным. Через некоторое время мы пришли к выводу, что финны ведут огонь из танка. Как потом выяснилось, танк стоял не более чем в 400 метрах от нашей землянки.

Как раз в это время на нашем командном пункте находился член Военного совета Медвежьегорской оперативной группы войск бригадный комиссар Пугачевский. Кстати, он, недолго задержавшись здесь, вскоре уехал в Повенец, где располагался штаб группы. Собственно, то место, где мы еще находились, командным пунктом уже и называть было нельзя, так как после отъезда Пугачевского уехало и командование нашей дивизии. На этот раз майор Литвинов.

Перед отъездом сказал мне: «Усильте оборону командного пункта дивизии силами связистов и химиков». Но какой был смысл оборонять КП, да еще химиками, когда на нем уже, кроме меня, нескольких офицеров штаба, никого не было. Мои два помощника, старший лейтенант Данильчук и лейтенант Солодов, в это время находились в полках, со мной были только мой третий помощник и комендант штаба (забыл их фамилии).

Для нас было совершенно ясно, что противник, захватив Пиндуши, прорвал и фронт и оставались считанные минуты до момента, когда его танки и пехота окажутся в районе бывшего командного пункта нашей дивизии. Мне как начальнику оперативного отделения предоставлялась возможность лично наблюдать бой и в некоторых случаях влиять на его ход. Так было, например, под Кумсой-2. Здесь же оказалось дело посложнее. Правда, меня мало тогда удивило перемещение командования дивизии неизвестно в какой район. Это прежде случилось. Удивило другое, свидетелем чего вскоре я

стал. Оказалось, что дорога от Пиндуш на Повенец теперь была открыта хоть до Вологды. А ведь по ней некоторое время назад ехали представители командования группы войск и 37-й дивизии. Возможно, и другие проезжали. Так почему же, зная, что противник ввел в бой танки, никто не принял никаких мер по заграждению дороги? Ведь стоило только устроить в тылу завал из нескольких спиленных вековых деревьев и взять его под обстрел артиллерии, как сразу же можно было, подбив головной танк врага, остановить и все другие. Тем более что в декабре, при довольно глубоком снежном покрове в лесу, вряд ли какой танк прошел бы. Они тогда могли передвигаться лишь по дороге.

Итак, когда финские танки и двигавшаяся непосредственно за ними на мотоциклах и велосипедах пехота ринулись на восток, с нашей стороны я не услышал ни одного выстрела. Да и что делать против танков с одними винтовками? Никаких противотанковых средств у нас не имелось, даже гранаты и те отсутствовали. Я, как и другие, держал в правой руке «маузер», в левой – пистолет «ТТ» и, размахивая ими, пытался навести какой-то порядок, то есть останавливал бегущих. Но это было бесполезно. Очень тяжело остановить солдат, убегающих от танка, который стреляет из пушки и пулемета. Я успел только сам отскочить в кювет, как три финских танка миновали меня. Здесь я встретил заместителя начальника оперативного отдела штаба Медвежьегорской группы войск майора Гуцол, который сказал мне, что мы ничего не можем сделать против танков. И действительно, отбежав метров 50-70, я увидел, как несколько машин с пехотой проследовали за танками. Шум моторов удалялся в сторону Повенца. У меня дух захватило от того, что я не услышал ни одного выстрела по этой колонне, хотя знал: в нескольких километрах восточнее Пиндушей располагались огневые позиции артиллерии нашей и, наверное, 71-й стрелковой дивизии. Я никак не мог понять, что случилось. А случилось то, что обычно порождает беспечность. Где оказалось в этот критический момент наше командование? Почему оно не повлияло на обстановку? Правда, утром 7 декабря мне стало известно, что оно уже с 6 декабря находилось в Габсельге, а это километров 10 восточнее Повенца. Почему в самый ответственный момент боя командование, бросив войска на произвол судьбы, оказалось так глубоко в тылу? Хорошо, что по счастливой случайности только несколько финских танков с десантом пехоты проскочило через Беломорско-Балтийский канал, на его восточный берег. Правда, до Габсельги машины

* Ф.И.Литвинов вступил в командование 37-й стрелковой дивизии после отстранения Державина.

противника не дошли. Я пишу об этой растерянности и проявленной тогда беспечности во всех звеньях управления войсками, так как был свидетелем этих событий и пытаюсь объективно изложить, к чему все это привело.

И последнее, обобщающее. Только за первые шесть месяцев войны в 52-м стрелковом полку сменилось шесть командиров полка – двое были ранены, а один убит, погибли и два комиссара.

Оборона на берегу ББК. Аэробатальоны

Итак, войска Медвежьегорской оперативной группы в составе 37-й, 71-й и 313-й стрелковых дивизий к 7 декабря отошли на восточный берег Беломорско-Балтийского канала, где и заняли оборону. В декабре 1941 года я был назначен старшим помощником начальника оперативного отдела штаба Медвежьегорской группы войск.

Вскоре мне было присуждено воинское звание «майор» и вручена правительственная награда – орден Красной Звезды. Здесь, в оперативном отделе, в той же должности, на какую был назначен, я встретил моего бывшего командира 37-й дивизии подполковника Державина. Войсками группы командовал уже генерал-майор Трофименко, действовавший более решительно, чем его предшественник. Он в короткий срок сумел навести порядок в войсках. А генерал-майор Князев от командования группой был освобожден за потерю управления войсками и оставление Медвежьегорска.

В начале 1942 года оперативные группы были упразднены, и на базе Маасельской (так в тексте.

– *Прим. ред.*) и Медвежьегорской опергрупп был сформирован штаб 32-й армии, куда я был назначен старшим помощником начальника оперативного отдела. Командный пункт армии расположился в Айта-ламбе.

Войска перешли к обороне на фронте около 300 километров, из которых около 200 приходилось на защиту побережья Повенецкого залива (так в тексте. – *Прим. ред.*) и Онежского озера. Противник уже не делал никаких попыток вести активные действия, кроме засылки диверсионных групп в наш тыл. Наши войска время от времени проводили, как тогда называли, частные операции и бои по улучшению своих позиций. Велась непрерывная активная разведка на всем фронте. Так, на этом рубеже войска стояли два с половиной года, то есть до лета сорок четвертого...

Новый 1942 год для меня был примечателен тем, что по приказу командующего мне пришлось выехать в район Пудож и станции Няндомы в качестве представителя армии по приемке аэросанных батальонов для 32-й армии. Аэросани строились на предприятиях г.Котласа, там же формировались батальоны, которые по железной дороге стали прибывать на станцию Няндомы, а отсюда своим ходом, что было нежелательно, двигались по дороге через Каргополь, Пудож, Габсельгу, Айта-ламбу.

Некоторые батальоны сосредоточивались в районах Челмуж и Римского и дальше не шли. Всего в период января и в начале февраля было принято 12 аэросанных батальонов. Они были двух типов: боевые и транспортные. Как тот, так и другой вид аэросаней приводился в движение

*Командно-политический состав
71-й дивизии. Сентябрь 1944 г.*

при помощи установленного двигателя – от легкой автомашины М-1 («эмка»). Боевые аэросани отличались от транспортных только тем, что на них был установлен крупнокалиберный пулемет. Для предохранения глаз водителя имелось ветровое стекло. Сами аэросани были открытыми, сиденье – только у водителя, а стрелок стоял, держась за пулемет. Таким образом, их экипаж состоял из двух человек. Транспортные аэросани в отличие от боевых были построены в закрытом исполнении, то есть имели кабину: внутри сиденья, на которых могли разместиться 7-8 человек с личным вооружением.

Скорость движения достигала: по дороге – до 60 километров в час, по снежной целине – до 40-45. Количество аэросаней в батальоне: транспортных – 8, боевых – 4.

Боевые аэробатальоны предназначались для прикрытия переброски транспортных с личным составом. Все аэросани имели существенный недостаток – создавали большой шум, что сильно их демаскировало и, таким образом, исключало внезапность применения. Например, когда головной батальон ночью стал подходить к Пудожу, то на улицу вышло почти все его население. Впечатление было такое, что летят самолеты. Другой недостаток: от сильного трения, особенно при движении по дороге, очень быстро изнашивалась нижняя часть саней.

Конечно, в условиях того периода войны аэросани были новым хорошим средством переброски всевозможных групп и отрядов любой численности в тыл противника, особенно по озерам. Но, к сожалению, они в армии ввиду затянувшегося их сосредоточения (в марте уже начал таять снег) широкого применения не нашли. Однако в районе Сегозера сыграли существенную роль, когда с помощью двух аэробатальонов нами был высажен десант. Это, пожалуй, единственный случай применения аэросаней. В районе Челмуж и Римского они несли только службу патрулирования на побережье Онега. Других случаев их применения на Карельском фронте я не знаю. В связи с поездкой для приема аэросаней вспомнился, на мой взгляд, очень интересный боевой эпизод.

В Пудож я прибыл 2 января. Сразу же связался со штабом инженерно-саперной бригады, которая производила минирование побережья. Связь с начальником штаба 7-й армии осуществлял по «ВЧ» пункт, который находился в Пудоже. Здесь я встретил сослуживца по 71-й стрелковой дивизи

ии майора Богданова, который был начальником связи бригады. Пудож находился от линии фронта, если считать от Повенца, не менее чем в 300 километрах. В этом городке «квартировали» даже некоторые правительственные учреждения К-ФССР. Одним словом, этот районный центр представлял из себя тогда просто тыловой городок. Но если учесть, что все это происходило в зимнее время, то расстояние от Петрозаводска, где были финны, по льду Онежского озера сокращалось втрое, если не больше. И, естественно, противник это оценил и в одну из январских ночей переправил по льду сильный и хорошо экипированный диверсионный отряд на лыжах, численностью более 100 человек. Отряд был вооружен исключительно автоматами «Суоми», а также финскими ножами. Имелись в нем и пулеметы с минометами.

С собой было взято много взрывчатки на нескольких санно-лыжных установках.

Задача этого отряда, как потом показали пленные, состояла в том, чтобы внезапно проникнуть на баржи Онежской флотилии и взорвать их; проникнуть в близлежащие населенные пункты, поджечь и взорвать узлы связи, склады и базы снабжения, тем самым создав панику. Попутно ставилась задача разведать характер создаваемых на побережье озера инженерных заграждений. С нападением диверсионного отряда мы были подняты по тревоге. После краткой оценки обстановки мною было немедленно доложено начальнику штаба армии, который приказал мне возглавить отражение нападения.

Я был очевидцем того, как на озере происходило настоящее «ледовое побоище». В результате быстрых и смелых действий саперов и партизан к утру отряд был разгромлен. Уже на рассвете, когда бой окончился, мы насчитали на льду около 80 трупов врага, а более 20 финнов было захвачено в плен, и только одиночкам удалось избежать смерти и пленения. На льду было оставлено все снаряжение, вооружение и взрывчатка.

О партизанах надо сказать подробнее. На острове Василисин располагались партизаны из бригады Григорьева, и финны, выходя из Шалы, наткнулись на них. Когда завязался этот бой, я и майор Богданов с небольшой группой саперов под прикрытием пограничников подошли к этому острову и видели, что противник был встречен организованным огнем, враг оказался в западне и за короткое время диверсанты были истреблены. В данном случае партизаны действовали как обычное

* Баржи, груженные продовольствием (сахаром, крупой и т.д.), находились на зимних стоянках, закованные льдом в районах Шалы и Пудожа.

воинское подразделение. В других случаях они прикрывали фланги наших войск, а нередко и их отход. Один из таких эпизодов относится к началу ноября 1941 года, когда взвод партизан под командованием В.П.Введенского (кстати, это мой земляк – тверяк, в конце 1920-х мы вместе с ним учились в одной ШКМ) прикрывал открытый фланг одного из полков 71-й стрелковой дивизии. Вот что писал Г.Н.Куприянов в своей книге «За линией Карельского фронта» об этом: *«Командир 71-й сд, докладывая 8 ноября обстановку, особо отметил геройский подвиг В.П.Введенского и его товарищей. Действия партизан во многом способствовали выполнению боевой задачи, поставленной перед 71-й сд в обороне Медвежьегорска...»*

После этого Введенский был назначен командиром партизанского отряда, который до полного освобождения Карелии действовал успешно.

Другой эпизод относится к началу декабря 1941 года. Противник, введя в бой резервы, 5 декабря захватил Медвежьегорск. Мне тогда в должности начальника оперативного отделения 37-й дивизии довелось по приказу командира возглавить отход группы войск из район Пиндуш на юго-восток. Ночью 6 декабря, переходя по льду Повенецкий залив, я на небольшом островке наткнулся на наших партизан (запомнил фамилию их командира). На мой вопрос, с какой задачей они здесь, ведь противник уже захватил Повенец и зверсовхоз, их командир ответил: «Обеспечиваем выход на восточный берег Беломорканала частей 37-й стрелковой дивизии». Скажу прямо и откровенно, как я обрадовался! Ведь управление всеми нашими войсками Медвежьегорской группы после оставления Медвежьегорска было нарушено. Многие партизаны тогда влились в состав войск и пошли вместе с нами по дорогам войны.

...Выполнив поставленную задачу по приему аэросанных батальонов и приняв непосредственное участие в разгроме финского диверсионного отряда, я вернулся в штаб армии. Скажу откровенно: служба в большом штабе меня не удовлетворяла, даже тяготила. Дело в том, что с первых дней войны я все время находился на передовых позициях, своими глазами видел все, что делается непосредственно на фронте, принимал решения в соответствии со сложившейся обстановкой, а условия службы в штабе армии были несколько иные. Отсюда и передовая находилась подальше, не слышна была и ружейно-пулеметная перестрелка. Каж-

дые сутки можно было два часа поспать и ежедневно есть горячую пищу. А находясь на передовой, люди часто были лишены всего этого.

День 22 июня 1942 года стал для меня радостным: я был назначен начальником штаба 152-й стрелковой дивизии. И когда мои сослуживцы узнали, что я назначен в войска, то здорово позавидовали мне. Да и для меня это было, конечно, повышением, так как впереди предстояла самостоятельная работа. Причем о своем предстоящем перемещении я долгое время не знал: начальник штаба армии генерал-майор Брагин, как я узнал потом, не хотел меня отпускать и дважды не выполнил указания начальника штаба фронта о моем откомандировании. И только после третьего напоминания генерала Свирского, 22 июня, Брагин вынужден был вызвать меня к себе и сказать: *«Вы, майор, назначены... Передайте дела своему помощнику капитану Солнцеву, а сами завтра же выезжайте к месту новой службы»*.

Получив такое напутствие, я убыл в 152-ю дивизию, которая после майской мурманской катастрофы находилась во фронтовом резерве западнее станции Лоухи. Этим, собственно, и закончились мои боевые будни в Карелии, так как через десять дней дивизия была погружена в железнодорожные эшелоны и отправлена по «старой калужской дороге», как тогда называли ее ветераны дивизии, в Мурманск, а оттуда в январе 1943 года – на Юго-Западный фронт.

1990 год

* Кроме меня, должности старших помощников начальника оперотдела исполняли подполковник Сергеев и майор Царственный.